

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI 10.15826/tetm.2021.1.005

УДК 94:159.953 + 316.346.36 + 004.77 + 94(100)“1939/45”

Роман Юрьевич Батищев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы

В статье анализируются основные подходы к рассмотрению памяти о войнах, сложившиеся в отечественных и зарубежных научных исследованиях. Предпринимается попытка выстроить классификацию этих подходов, где критерием выступает выделение центрального актора, транслирующего образы военного прошлого, или признание множественности таких акторов. Рассматриваются особенности государства и различных негосударственных акторов в артикуляции памяти о войнах. Как итог, выделяются национально-государственный подход, подход, обращающийся к понятию «народной памяти», и социально-акторный подход. Делается вывод, что в рамках социально-акторного подхода связь памяти о войне и «войн памяти» характеризуется наибольшей близостью и дает теоретико-методологические возможности для изучения категории «войны памяти».

Ключевые слова: память о войне, военные коммеморации, войны памяти, политика памяти, мнемонический актор, методология memory studies

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ (проект № 20-011-31600 «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве»).

Для цитирования: Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 34–42.

Поступила в редакцию: 01.03.2021

Принята к печати: 15.03.2021

Roman Yu. Batishchev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors

The article deals the main approaches to the analysis of war memory, that established in Russian and foreign academic researches. It is made an attempt to classify these approaches, and the criteria is the highlighting of a central actor, translating the images of war past, or the recognition of the plurality of such actors. It is showed the specificities of a state and non-state actors in the articulation of war memory. As a result, it is highlighted a state-centred approach, a popular-memory approach and a social-agency approach. It is concluded, that in the social-agency approach the relation between war memory and “memory wars” becomes the most conspicuous, and it gives theoretical and methodological bases to study the category “memory wars”.

Key words: war memory, war commemorations, memory wars, the politics of memory, mnemonic actor, the methodology of memory studies

For citation: Batishchev, R. Yu. (2021). Pamyat' o voynakh i "voyny pamyati" v sovremennykh memory studies: osnovnye podkhody k izucheniyu i klyuchevye aktory [War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 34–42.

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 15.03.2021

В современном гуманитарном дискурсе к проблемам памяти о войне и «войн памяти» обращено самое пристальное внимание. Соотнесение мемориальных войн и темы войны в политике памяти обусловлено особой важностью образов военного прошлого в политике памяти как России, так и стран Запада. Кроме того, репрезентации военного прошлого в рамках исторической политики часто выступают как механизм «мягкой силы».

При этом в последние десятилетия появление новых конфликтов в политической или культурной сфере (будь то геополитические противостояния ведущих мировых держав, локальный межнациональный вооруженный конфликт или формирование потенциально конфликтогенных зон культурных фронтиров, порождаемых миграционными процессами) теснейшим образом связано с обращением к памяти о конфликтах прошлого, имевших место по поводу спорных вопросов и проблем настоящего. Конфликты вокруг проблемного прошлого здесь понимаются в самом широком смысле: от интерпретаций результатов Второй мировой войны до территориальных претензий локальных этнических групп друг к другу. Тем самым становится очевидным значительный

«мемориальный» аспект современных политических и культурных конфликтов, а в основе этого аспекта лежит чаще всего память о конфликте прошлого. Поэтому соотнесение категорий «память о войне» и «войны памяти» предстает актуальной задачей в рамках современных memory studies.

Отмечается, что интерес к академическим исследованиям памяти обусловлен во многом самой памятью о войне и общественной рефлексией по поводу оправданий жертв войны [Winter, 54; Hutton, 11]. Дж. Уинтер также подчеркивает, что репрезентации военного прошлого в политическом дискурсе (Франко-прусской войны, обеих мировых войн) обусловили все так называемые «мемориальные бумы», случившиеся на Западе за последние 150 лет.

Особый интерес к memory studies и изучению памяти о войнах также связан и с обращением к фигуре жертвы и формированием проблематики травмы (например, с темой Холокоста) [Cultural Trauma...]. В 1980-е гг. популяризация военных событий через расширение масштабов юбилейных мероприятий, активизацию «культурного производства» памятной символики оформили новый этап исследований памяти о войне. В 1990-е гг.,

в связи с распадом социалистического блока и возникновением новых межнациональных конфликтов, события прошлого вновь стали активно использоваться как механизм легитимации вооруженного насилия (что видно на примере конфликтов на постсоветском пространстве и в Югославии). То есть новые войны перешли также в плоскость «войн памяти» [Ashplant, Dawson, Roper, 3–6]. Тогда же в гуманитарных науках обозначился «культурный поворот», способствовавший актуализации проблем социальной памяти и коммеморации событий прошлого [Там же].

При наличии в российской и зарубежной научной литературе большого числа эмпирических исследований и case studies, посвященных тем или иным военным коммеморациям (часть из них будет рассмотрена далее), не получила должного внимания, особенно в политологических исследованиях, сама специфика обращения к войне в рамках политики памяти. В данной статье предпринимается попытка классифицировать основные подходы к рассмотрению памяти о войне в современных memory studies.

Критерием классификации являются основные акторы, которые осуществляют репрезентацию тех или иных образов военного прошлого. Наряду с понятием «актор» используется термин «агенты артикуляции» [Ashplant, Dawson, Roper], в российских исследованиях также используется понятие «мнемонические акторы» как «политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого» [Малинова, 7]. Классификация будет выстраиваться на основе выделения центрального актора, транслирующего те или иные образы военного прошлого, или признания множественности таких акторов и их стратегий артикуляции, что и позволит выявить несколько подходов к рассмотрению коллективной памяти о войнах.

На протяжении десятилетий в фокусе внимания исследователей находились государство как актор политики памяти, использование памяти о войнах в нациестроительстве и поддержании национальной идентичности. Впервые об этом заговорил французский философ Э. Ренан, определяя национальную память как фундамент нации [Ренан]. Данная позиция также представлена в работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции» (1983)

и Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983).

Роль государства в позиционировании памяти о войне подробно рассматривается в труде американского историка Джорджа Лачманна Мосса «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах» (*Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*) (1990). Дж. Мосс рассматривает генезис и развитие «мифа о военном опыте» (*Myth of the War experience*), являвшегося фундаментом идеологии гражданского национализма в западноевропейских государствах. В «мифе о военном опыте» война «рассматривается как значимое и даже священное событие» [Moss, 7]. Зарождение этого мифа Мосс связывает с фигурой солдата-добровольца эпохи войн революционной Франции. Мосс подчеркивает, что «изучить истоки мифа о военном опыте — значит понять роль добровольцев, которые в значительной степени этот миф и породили» [Ibid., 32]. Для государства трансляция подобной мифологии была обусловлена потребностью оправдания постоянно возрастающих военных потерь.

Перед необходимостью оправдания огромных жертв Первой мировой войны государства попытались замаскировать и преодолеть память о понесенных потерях. Межвоенное время в Европе стало некоей кульминацией «мифа о военном опыте». По мнению Мосса, «Первая мировая война дала мифу о военном опыте его полное выражение и возможность прямого перехода в памяти людей от ужасов войны к ее значимости и славным моментам» [Ibid., 50].

Сакрализация павших солдат через возведение воинских мемориалов и памятников носила отчетливый характер гражданского религиозного культа. «Воинские захоронения и военные коммеморации создавались подобно храму нации, и планированию таких сакральных мест уделялось столько же внимания, сколько и постройке храмов. Это были именно те места, где миф о военном опыте, в противовес реалиям войны, находил свое законченное выражение» [Ibid., 32–33].

Мосс подчеркивает, что в Третьем рейхе этот миф и этот культ достигли своего апогея, выступая дополнительной идеологической подпиткой агрессивного милитаризма и экспансии.

После Второй мировой войны в Западной Европе и США происходит повсеместная десакрализация павших солдат, превратившихся из героев войны в ее жертв, наблюдается постепенное затухание «мифа о военном опыте». Изменяются формы военных коммемораций («переформатирование» («reshaping») — отсылка к названию книги). Монументы утрачивают культовую, «литургическую» функцию («liturgical function»), становясь утилитарными объектами («utilitarian function»): парками, садами, библиотеками [Moss, 220]. Устойчивость этой тенденции прослеживается на примере более поздних войн. Так, Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме в Вашингтоне не содержит патриотического пафоса и полностью обращен к жертвам войны [Ibid., 224].

Использование военных коммемораций в процессах нациестроительства отмечается и в ряде других работ. Так, М. Керен отмечает, что воинские добродетели «традиционно считались строительными блоками национального государства, которое поэтому поощряло отдельные группы ветеранов превращать свой военный опыт в «социальную память» [Keren, 1]. Однако широкая дискуссия вокруг трагедии Холокоста смогла разубедить массовое историческое сознание в том, что человеческие потери «имели смысл» («meaningful») [Winter, 54–74].

Государственная политика памяти применительно к той или иной войне начинается уже с того, что само использование слова «война» в названии вооруженного конфликта является актом политики памяти. «Там, где оно (государство. — Р. Б.) готово использовать термин “война”, как правило, подразумевается признание государством политических аспектов конфликта, действительно являющегося “продолжением государственной политики другими средствами”, а не, скажем, гуманитарной операцией или внутренней проблемой “закона и порядка”. И наоборот, отказ от признания конфликта “войной” означает отрицание законности — или даже самого существования — конкурирующих политических сил» [Ashplant, Dawson, Roper, 55].

Выстраивание государственных исторических нарративов о войне стоит рассматривать не только (и не столько) как активную работу над проблемным прошлым, но и в связи

с актуальной для государства политической повесткой, внутри- и внешнеполитическим курсом.

К примеру, определенная политика памяти может применяться политическими элитами для возвращения утраченных довоенных позиций страны на международной арене [Starostina, 31]. Ярчайший пример этому — политика памяти о Второй мировой войне при режиме Ш. де Голля. Историк из Сорбонны Оливье Курто, анализируя голлистский дискурс о войне, подчеркивает стремление режима продемонстрировать самостоятельность и единство французской нации в борьбе с нацистскими оккупантами, смещая акценты с высадки союзников в Нормандии на Парижское восстание августа 1944 г. В попытке преодолеть неприятную память о французском коллаборационизме («синдром Виши») режим де Голля сделал ставку на фигуру умолчания относительно противоречивых событий [Courteaux, 3–23]. Подобное сознательное замалчивание фактов коллаборационизма и подчеркивание роли антифашистского сопротивления характерно и для других западноевропейских государств, например, для Италии [Ashplant, 267–268].

Память о войнах прошлого может использоваться в рамках символической политики для легитимизации современных вооруженных конфликтов [Danilova]. Сравнивая политику памяти о войнах в России и в Великобритании, социолог Н. Ю. Данилова выявила общие тенденции в позиционировании войн прошлого в официальных исторических нарративах: наблюдаются деполитизация и деконтекстуализация памяти о войнах, особый акцент придается памяти о павших солдатах как примеру преемственности воинских добродетелей и преданности Отечеству. Тем самым отделяются «причины войны от ее участников, а также поощряется отказ от публичного обсуждения дилемм современных конфликтов» [Ibid., 52]. Подобные «дискурсивные стратегии предлагают изящное решение очень сложной проблемы концептуализации природы современных войн» [Ibid., 83].

Государственные военные коммеморации могут также рассматриваться в рамках определенной внешнеполитической стратегии государства как инструмент «мягкой силы».

Например, историк Сэм Эдвардс говорит об американских военных мемориалах в Восточной Англии и Нормандии в контексте формирования и поддержания евроатлантической солидарности [Edwards 2015].

Память о войнах и определенная военная мифология способны воздействовать на принятие политических решений, связанных с началом боевых действий. Американский историк Р. Пис подчеркивает влияние «националистического» исторического нарратива американских неоконсерваторов, рассматривающего войну как легитимный способ достижения политических целей, на решение администрации Р. Рейгана оказать военную поддержку никарагуанским «контрас» в их борьбе с социалистическим правительством в ходе гражданской войны [Pease, 63–85].

Сложно оспаривать ведущую роль государства в трансляции образов войн прошлого. В его распоряжении находятся огромные символические ресурсы: воинские мемориалы, музеи, библиотеки, архивы, информационные и образовательные средства формирования и поддержания «официальной истории». Однако сложная структура и неоднородность современного общества, большие возможности медийной трансляции различных исторических репрезентаций дают возможность негосударственным акторам оказывать значительное влияние в том числе и на образы войны в массовом историческом сознании.

К одним из наиболее влиятельных негосударственных акторов политики памяти о войнах принадлежат ветеранские организации. М. Керен объясняет появление этого актора тем, что в послевоенные десятилетия на Западе национальные государства начали терять свои монопольные позиции перед лицом глобализации, вместе с этим проявился общий пацифистский настрой интеллектуалов, и фигура героя, ранее стоявшая в центре официальных исторических нарративов, постепенно утратила былую важность. В итоге «героический» нарратив ветеранов стал противоречить официальным репрезентациям военного прошлого (представленным, например, в музеях). М. Керен рассматривает случай, связанный с протестом ветеранов против позиционирования темы Холокоста в Канадском военном музее. В этой связи ветеранские организации обратили

пристальное внимание на массовую культуру, через которую они пытались представить свои интерпретации военных событий [Keren, 2–8].

В ряду негосударственных акторов политики памяти особую роль играют политические партии, поскольку они являются влиятельными политическими институтами и способны участвовать в исторических баталиях непосредственно в ходе политической борьбы. Межпартийные дискуссии по вопросам того или иного проблемного прошлого не только демонстрируют идеологические установки самих партий, но и вскрывают линии глубинного раскола внутри исторического сознания общества. Причем активное присутствие политических партий на этой площадке наблюдается и в России [Linchenko, Anikin], и за рубежом [Аникин, Яровая].

Религиозные сообщества как акторы политики памяти обладают особой спецификой интерпретации событий прошлого (в том числе войн), которая выражается прежде всего в использовании уникальных религиозных символических ресурсов (например, канонизация как способ коммеморации) [Батищев, Беляев, Линченко]. По некоторым вопросам религиозные акторы способны занять более внятную позицию, чем государство, а также сформировать особый религиозный дискурс, «предлагающий спектр вариантов объяснения» причин войны и ее значения [Аникин, 7].

Память о войнах и отдельные образы военного прошлого также формируют вокруг себя военный дискурс. Уругвайская исследовательница М. Ачугар, опираясь на анализ коллективной памяти военных о периоде репрессий уругвайской хунты против левой оппозиции (1973–1985), отмечает такую особенность военного дискурса, как использование метафор войны там, где фактической войны не было. Например, через категорию «внутренней войны» («state of internal war»). Военный дискурс обращается «к образам войны как для описания событий, так и для обращения к участникам, вовлеченным в эти события» [Achugar, 199].

Нельзя не отметить, что различные акторы политики памяти далеко не всегда нацелены только на определенную артикуляцию своей политико-идеологической позиции. Зачастую негосударственные акторы, занимаясь

военными коммеморациями, могут преследовать и чисто утилитарные, коммерческие интересы. Например, на Галлиполийском полуострове, где в 1915 г. была предпринята неудачная попытка высадки войск Антанты, на сегодняшний день сформировалась отрасль «военного туризма»: места сражений превратились в туристический маршрут для потомков австралийских солдат, сражавшихся в рядах британских частей в ходе Дарданелльской операции [Scates, 57–76]. Постепенная коммерциализация также охватила и американские военные коммеморации в Европе, например, мемориальные комплексы в Нормандии [Edwards 2009, 76–92; Edwards 2015].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно выделить три основных подхода к рассмотрению памяти о войне, выделяемых по критерию приоритетного значения того или иного актора (или признания множественности акторов).

Хронологически первым можно назвать *национально-государственный, или государствоцентричный подход* («state-centred approach» [Ashplant, Dawson, Roper, 7]). В рамках этого подхода национальное государство фактически обладает монополией на трансляцию образов военного прошлого. Важное значение здесь приобретает политика памяти, понимаемая, в трактовке Хобсбаума, как «практика... социальной инженерии “сверху”»; не та история, которая сохранилась в народной памяти, а та, что была «отобрана, написана, проиллюстрирована, популяризирована и институционализована теми, чья функция в этом и заключается» [Hobsbawm, 13]. Истоки данного подхода связаны с философией Э. Ренана, а наиболее ярко он представлен в упомянутых работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции», Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», Дж. Мосса «Павшие солдаты».

Противоположную позицию представляет подход, который обращает внимание на *народную память* («popular-memory approach»). Этот подход развивается исследовательской группой по изучению народной памяти Бирмингемского университета [Popular Memory...] и австралийским исследователем А. Томпсоном [Thompson]. В противовес государствоцентризму и конструктивизму здесь постулируется

существование некоей естественной, народной, памяти. Подход опирается на грамшистское учение о культурной гегемонии, присутствуют противопоставление и противостояние частной памяти (индивида, группы) и публичных представлений. Публичные представления понимаются как продукт политики памяти, в рамках которой происходят отбор и подавление частных воспоминаний. Частная память, в свою очередь, борется с гегемонией публичных представлений.

Стремление преодолеть дихотомию первых двух подходов и признание множественности акторов памяти о войне нашли отражение в *социально-акторном подходе* («social-agency approach»). Ключевым моментом здесь выступает признание множественности субъектов, представляющих свои репрезентации военного прошлого, а главное — постоянное присутствие борьбы за память.

Борьба за память (а в своей максиме — войны памяти) разворачивается на «площадках артикуляции памяти» («arenas of articulation»): семейные и родственные группы, географические сообщества, сообщества по интересам, национальные государства и транснациональные политические блоки [Ashplant, Dawson, Roper, 17]. На площадках представлены «агенты артикуляции памяти» («agencies of articulation»), они же «мнемонические акторы». Агенты артикуляции памяти могут существовать как независимо от войны (государство, этнические и религиозные группы, политические партии), так и быть порожденными самой войной (ветераны, инвалиды войны, семьи погибших, перемещенные лица).

Государство и прочие акторы создают определенные рамки памяти о войне, «обрамляют» («framing») частные воспоминания, выраженные индивидами, в формах, которые служат их партикулярным или политико-идеологическим интересам. Тем самым последующие акты «вспоминания» той или иной войны в рамках большой или малой социальной группы будут обусловлены предзаданными формами, значениями и смыслами. Данная теоретическая позиция отсылает к фундаментальным работам Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, обосновывавших социальную обусловленность индивидуальной памяти. Тем не менее и сами «фреймы» представляют собой гибкие

конструкции. К примеру, «по мере того как государство разрешает внутренний конфликт, или когда оно вступает в новые военные действия, значение предыдущих войн также может изменяться ретроспективно, в соответствии с политическими требованиями настоящего» [Ashplant, Dawson, Roper, 53]. Формирование и трансформация различными акторами своих «фреймов» обуславливает определенную динамику коллективной памяти о войне, а разница в этих «фреймах» создает предпосылки уже для «войн памяти».

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что, несмотря на доминирующую роль государства в репрезентациях военного прошлого, память о войне, как внутри, так и за

пределами конкретного государства, представляет собой неоднородное пространство соперничающих нарративов. Со второй половины XX в. официальные государственные военные нарративы, служившие в прежние годы основой гражданского национализма, активно оспариваются со стороны гражданского общества, транснациональных акторов, формальных и неформальных групп.

И именно в рамках социально-акторного подхода определенная связь памяти о войне и «войн памяти», обнаруженная неоднократно при рассмотрении этой темы, характеризуется наибольшей близостью и дает теоретико-методологические возможности для изучения категории «войны памяти».

Список литературы

- Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1.
- Аникин Д. А., Яровая И. А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. 2020. Т. 28, № 4. С. 131–137.
- Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. : в 12 т. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев : издание Б. К. Фукса, 1902. С. 87–101.
- Achugar M. What we remember: The construction of memory in military discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2008. 246 p. (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, issn 1569-9463; vol. 29). DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404509990480>.
- Ashplant T. G. War commemoration in Western Europe: changing meanings, divisive loyalties, unheard voices // *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 263–273.
- Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 1–87.
- Courteaux O. General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 3–23.
- Cultural Trauma and Collective Identity / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA ; London, UK : University of California Press, 2004. 314 p.
- Danilova N. The politics of war commemoration in the UK and Russia. UK : Palgrave Macmillan Memory Studies, 2015. 272 p.
- Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696999>.
- Edwards S. Commemoration and Consumption in Normandy, 1945–1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by M. Keren, H. H. Herwig. Jefferson, North Carolina ; L. : McFarland, 2009. P. 76–92.
- Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions // *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). L. : Cambridge University Press, 1983. P. 1–15.
- Hutton P. H. Preface. Pioneering Scholarship on the Uses of Mythology in the Remembrance of Modern Wars // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 11–27.
- Keren M. Introduction // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London : McFarland, 2009. P. 1–9.

Linchenko A., Anikin D. The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties // *European Politics and Society*. 2020. T. 21, № 3. P. 356–370. DOI: 10.1080/23745118.2019.1645430.

Moss G. L. *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1990. 276 p.

Peace R. Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s) // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 63–85.

Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method // *Making Histories: Studies in History-Writing and Politic*. L. : Routledge, 1982. P. 205–252.

Scates B. C. Manufacturing Memory at Gallipoli // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by M. Keren, H. H. Herwig. Jefferson, North Carolina ; L. : McFarland, 2009. P. 57–76.

Starostina N. Introduction // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 27–42.

Thompson A. *Anzac Memories: Living with the Legend*. Melbourne : Monash University Publishing, 1994. 424 p.

Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / ed. by Duncan Bell. Palgrave Macmillan, 2006. P. 54–74.

References

Achugar, M. (2008). What we remember: The construction of memory in military discourse. Amsterdam : John Benjamins. 246 p. (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, issn 1569-9463; v. 29). DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404509990480>.

Anikin, D. A. (2020). Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak simbolicheskij resurs: osobennosti funkcionirovaniya v religioznom soobshchestve [The memory about the Great Patriotic War as a symbolic resource: the specifics of the functioning in religious community]. *Studia Humanitatis*, 1, 24.

Anikin, D. A., Yarovaia, I. A. (2020). Politika pamyati o Vtoroj mirovoj vojne v sovremennoj Francii: etnopoliticheskie faktory i partijnye konfrontatsii [The politics of memory about the Second World War in modern France: ethno-political factors and party confrontations]. *Vlast'*, 28, 4, 131–137.

Ashplant, T. G. (2000). War commemoration in Western Europe: changing meanings, divisive loyalties, unheard voices. *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper, 263–273. London, New York: Routledge.

Ashplant, T. G., Dawson, G., Roper, M. (2000). Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics. *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper, 1–87. London, New York: Routledge.

Batishchev, R. Yu., Belyaev, E. V., Linchenko, A. A. (2018). Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' kak aktor sovremennoj politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [The Russian Orthodox Church as the actor of a modern politics of memory: the discourse of canonization]. *Studia Humanitatis*, 1, 23.

Courteaux, O. (2015). General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 3–23. Cambridge Scholars Publishing.

Danilova, N. (2015). The politics of war commemoration in the UK and Russia. UK: Palgrave Macmillan Memory Studies.

Edwards, S. (2009). Commemoration and Consumption in Normandy, 1945–1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren, Holger H. Herwig, 76–92. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Edwards, S. (2015). Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, 1941–2001. Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696999>.

Hobsbawm, E. (1983). Introduction: inventing traditions. In *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.), 1–15. London: Cambridge University Press.

Hutton, P. H. (2015). Preface. Pioneering Scholarship on the Uses of Mythology in the Remembrance of Modern Wars. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 11–27. Cambridge Scholars Publishing.

Jeffrey, C. A., Ron, E., Bernhard, G., Neil, J. S., Sztompka, P. (eds.) (2004). Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, CA; London, UK: University of California Press.

Keren, M. (2009). Introduction. In *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren, Holger H. Herwig, 1–9. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Linchenko, A., Anikin, D. (2020). The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties. *European Politics and Society*, 21, 3, 356–370. DOI: 10.1080/23745118.2019.1645430.

Malinova, O. Yu. (2017). Kommemoratsiya istoricheskikh sobytij kak instrument simbolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [The commemoration of historical events as the instrument of symbolic politics: the opportunities of comparative analysis]. "Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz" (The journal of political philosophy and the sociology of politics), 4(87), 6–22.

Moss, G. L. (1990). *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Peace, R. (2015). Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s). In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 63–85. Cambridge Scholars Publishing.

Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method (1982). In *Making Histories: Studies in History-Writing and Politic*, 205–252. London: Routledge.

Renan, E. (1902). Что такое нация? [*What is a Nation?*]. In *Renan E. Collected works in 12 volumes*. Translated from French, ed. V. N. Mikhailovsky, 6, 87–101. Kiev: izdanie B. K. Fuksa.

Scates, B. C. (2009). Manufacturing Memory at Gallipoli. In *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig, 57–76. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Starostina, N. (2015). Introduction. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 27–42. Cambridge Scholars Publishing.

Thompson, A. (1994). *Anzac Memories: Living with the Legend*. Melbourne: Monash University Publishing.

Winter, J. (2006). Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past. In *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / ed. by Duncan Bell, 54–74. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе

Батищев Роман Юрьевич, аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Roman Yu. Batishchev, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.